

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С СЕНатором-демократом от штата Колорадо (США) Г. Хартом

15 декабря 1986 г.

ГОРБАЧЕВ. Прежде всего хочу приветствовать Вас и Вашу миссию. Я убежден, что мы должны думать о том, как улучшать наши отношения, а не о том, как нам отправить друг друга на свалку истории. Подобные заявления – это просто бред. Герой произведения одного русского сатирика мечтал закрыть Америку¹. У нас подобных мыслей нет. В наше время невозможно закрыть ни одно, даже маленькое государство. Поэтому надо думать о том, как жить вместе, как строить отношения, как налаживать общение между нашими народами и правительствами. Наши люди думают о будущем. Американцы и советские люди приветствуют контакты между нашими странами. Они за сотрудничество, и это понятно. Ведь это здравый смысл. Сейчас важно, чтобы и политические деятели прониклись этими настроениями.

Но, к сожалению, приходится констатировать, что **многие политические деятели до сих пор не могут понять, что мир изменился**. Это та критическая точка, через которую проходит мышление еще очень многих политических руководителей и которая порождает многие беды. Именно из нее берут начало многие существующие проблемы, кризисы, взаимные обвинения.

А мир действительно изменился. И то, что было приемлемым 40 лет назад или даже недавно, сейчас уже не является приемлемым. Приведу для иллюстрации такой пример. Как много говорилось до Рейкьявика о необходимости разоружения. Но вот в Рейкьявике выяснилось, что ядерное разоружение возможно. И посмотрите, какой переполох начался – и в США, и в Западной Европе. Стали спрашивать, как это так – жить без ядерного оружия? И снова повеяло холодком, и возможности договориться стал

¹ Речь идет о варианте «Современной идиллии» М.Е. Салтыкова-Щедрина, где «ретивый начальник» получает донос, автор которого требует «закрыть Америку!»

стягивать мороз, как в былые времена. Я не пессимист, я считал и по-прежнему считаю, что договоренность возможна, и этим придется заниматься, если не сегодня, то завтра. Но мудрость политических деятелей должна заключаться в том, чтобы начать этот процесс уже сейчас. Кое-кто утверждает, что Советский Союз хочет сейчас переждать, дождаться другого руководства, чтобы иметь с ним дело. Но это не так. Ведь время идет, и нельзя терять ни одного дня. Надо действовать. В конце концов, если нет возможности договориться сейчас, то создавать задел для завтрашнего дня.

Мы убеждены, что появятся люди, которые поймут необходимость обеспечения безопасности всех, с политической волей добиваться таких договоренностей. Ибо **в наше время невозможны нормальные международные отношения, которые не отвечали бы интересам всех. В наше время не может быть иной безопасности, кроме равной безопасности.**

Что Вы на это скажете?

ХАРТ. Прежде всего хочу сказать, что для меня большая честь познакомиться и встретиться с Вами.

ГОРБАЧЕВ. Вы знаете, нас с Вами даже сравнивают.

ХАРТ. Надеюсь, что это сравнение не вредит Вам здесь.

ГОРБАЧЕВ. Мне оно не вредит, надеюсь, не повредит Вам.

ХАРТ. Лично я очень польщен этим сравнением. Вы – политический деятель, добившийся успеха, а я успеха не добился.

ГОРБАЧЕВ. Избрание на высокую политическую должность – это еще не успех. Оно скорее создает лишь возможности добиться успеха. Так что мы с Вами примерно в одинаковом положении. Может быть, правда, у Вас меньше обязанностей.

ХАРТ. Я бы не возражал оказаться в равном с Вами положении.

ГОРБАЧЕВ. Я бы против этого тоже не возражал.

ХАРТ. В 1983 году мы с послом Добрыниным обстоятельно обсуждали перспективы предвыборной борьбы в нашей стране. И он постоянно задавал

мне вопрос: как человек из штата Колорадо, которого, судя по опросам, поддерживают лишь два процента избирателей и который не имеет денег, может быть, тем не менее, серьезным кандидатом. Впоследствии я удивил посла Добрынина, но в конце концов все же оказалось, что прав, как всегда, был он. Так что можно сказать, что я приехал сюда и для того, чтобы поучиться, как добиваться успеха в политике.

ГОРБАЧЕВ. Думаю, что опыт участия в предвыборной кампании – это для Вас большой опыт. Теперь Вы уже не будете романтиком, будете иметь более четкое представление о стратегии и тактике. Но я думаю, важно не отказываться от главного, от Вашей мысли, что Америке сегодня необходимы новые подходы, новые идеи. Да, Америке действительно это не помешало бы. Говоря так, я не хочу сказать про вашу страну ничего плохого. Но все же ясно, что Америку слишком сильно накрыла консервативная волна и слишком мало в ней осталось демократических островов и островов влияния Демократической партии, представителем которой Вы являетесь.

ХАРТ. Я вполне согласен с Вами. Думаю, что обеим нашим странам нужны новые идеи. И Вы лично вызываете такой интерес в США именно потому, что являетесь представителем перемен, нового мышления и новых подходов.

В мире действительно многое изменилось, изменилась роль сверхдержав. Я внимательно ознакомился с Вашим выступлением во Владивостоке (*28 июля 1986 года*), другими Вашими заявлениями. Особый интерес у меня вызвали Ваши соображения о рассредоточении власти в современном мире, о множественности центров экономической, политической, военной силы. Я убежден, что две сверхдержавы не могут более играть в мире ту доминирующую роль, которую они взяли на себя – неважно, с удовольствием или вынужденно – 30-40 лет назад.

В июне нынешнего года я выступал с лекциями в Джорджтаунском университете, в которых я развивал идеи многополюсности современного мира, говорил о том, что прежняя поляризация все более утрачивает свое

значение. Я говорил о том, что американская внешняя политика должна воспользоваться этим процессом, причем не только для того, чтобы продвинуть наши собственные интересы, но также для того, чтобы помочь и другим странам, то есть – и в их интересах.

ГОРБАЧЕВ. Я согласен с Вашей идеей о множественности центров силы в современном мире. И, кстати, ведь политический плюрализм – это та линия, которую вы советуете принять нам в нашей политике. А вот когда заходит речь о международных делах, с плюрализмом у Америки плохо.

Идея многополюсности отражает реально существующий процесс. Я говорю об этом так: мир сейчас не такой, каким был в прошлом, сравнительно недавнем прошлом. Сейчас на мировую политическую арену вышли десятки народов, сделавших свой выбор и добившихся своего после долгой и тяжелой борьбы за собственный путь развития. И если они добились политической независимости, то точно так же они хотят и добиваются экономической независимости. Люди, стоящие во главе этих стран, опираются на волю и поддержку своих народов, и они хотят что-то сделать для своих народов. Ведь в этих странах – огромные ресурсы, природные ресурсы, человеческие ресурсы, и все это они хотят использовать в своих интересах. Разумеется, эта ситуация не по душе многим, кто в прошлом бесконтрольно распоряжался всеми этими огромными ресурсами. Но им придется считаться с реальностью устремлений 2,5 миллиарда людей. Не считаться с этой реальностью – это, как минимум, самонадеянность. И никому не удастся проигнорировать эту реальность, ни одной стране, в том числе США. Если вы не будете с этим считаться, то тогда Америку ждут большие разочарования.

Да и неужели Америка не может предложить иное? Ведь она может сделать очень многое для строительства новых отношений между государствами, и при этом вы ничего не потеряете в экономическом отношении, наоборот, – вы выиграете. Зачем Америке отказываться от этого, зачем пилить сук, на котором она сидит?

Наверное, хорошо, что мы с Вами обсуждаем это, пока Вы не являетесь Президентом. Так даже лучше. Ведь каждый Президент находится под давлением, под контролем определенного рода обстоятельств. Я знаю, как действует в США эта машина, это давление групп и обстоятельств. Но от того, о чем я говорил, зависит очень многое, зависит то, сможем ли мы развязать узлы проблем современного мира. Здесь и проблема разоружения и развития. Ведь если будут построены новые отношения, основанные на равноправии и учете интересов всех, то зачем тогда нужна будет существующая сейчас военная машина, которая и была-то создана для обеспечения экспансионистской внешней политики?

Я понимаю, эта машина сформировалась на протяжении веков, и ликвидировать ее не так просто. Но сейчас мы подошли к той точке, когда это становится необходимостью, в том числе и потому, что те самые 2,5 миллиарда людей хотят жить достойно, по-человечески. **Я убежден, что в поисках путей создания новых взаимоотношений в мире Соединенные Штаты и Советский Союз могут сделать очень многое.** И думаю, пусть лучше Соединенные Штаты сами начнут это, чем их к этому принудят обстоятельства, в том числе колossalный государственный долг, накопленный особенно в последние годы.

Посмотрите, что происходит. Такая страна, как Бразилия, с ее огромными возможностями, природными и людскими ресурсами, оказалась задавленной задолженностью до такой степени, что буквально не может дышать. Ни в этой стране, ни в Аргентине, Мексике, Боливии люди не хотят продолжения старого порядка вещей. Не могут согласиться с положением, когда они не в состоянии не то, чтобы оплатить долг, но даже заплатить проценты к нему. Кто-то должен думать обо всем этом? Ведь это – поистине пороховая бочка, я бы даже сказал, это такой взрывной материал, который опаснее пороха.

Когда мы говорим об этих проблемах, Америке это не нравится. Но ведь мы делаем это не для того, чтобы ухудшить жизнь в вашей стране. Мы лишь

хотим обратить внимание американской администрации на то, что эта проблема существует, и ведь не «русские» ее выдумали. Наоборот, эту проблему создал Запад, Соединенные Штаты. В конце концов, нас она может не так волновать. У нас прекрасные отношения со всеми этими странами. Конечно, могут сказать: вам хорошо об этом говорить, если дело обстоит так. Но ведь то, что мы предлагаем, вполне возможно, вполне реалистично. И говорим мы об этом потому, что наличие этой проблемы порождает больше напряженности, трения и в конечном счете региональные проблемы.

Я убежден, что успеха добьется тот Президент, который найдет возможность решить эту проблему, не нанося при этом ущерба интересам и доходам американского населения. Ведь должны же быть какие-то пути для этого, какие-то методы, кроме подавления. Должна Америка найти возможность использовать свою мощь, свой капитал, все, что используется сейчас для военных целей, в других целях, для решения проблем современного мира. Я уверен, что это возможно, что вы сможете привлечь к этому и другие страны Запада. И ничего на этом не потеряете. Ведь вы – большие мастера бизнеса и умеете делать деньги. Но **важно сделать поворот, начать действовать по-новому.**

ХАРТ. Должен сказать, что сам я не умею делать деньги.

ГОРБАЧЕВ (*в шутку*). Но если Вы хотите стать Президентом, то Вам придется научиться добывать деньги.

ХАРТ. Добывать деньги и делать деньги – это разные вещи.

ГОРБАЧЕВ. Мы, конечно, прекрасно понимаем, что в вашем обществе делать деньги – это необходимость для того, чтобы общество могло развиваться, функционировать. Против этого возражать не приходится.

Но что же все-таки происходит в США?

ХАРТ. Я постараюсь об этом сказать, постараюсь отреагировать на высказанные Вами соображения. Но сначала хочу сказать, что когда мы говорим о снижении роли и значения сверхдержав в мире, то имеем в виду не только нашу роль в Латинской Америке в контексте проблем задолженности

и экономического развития этого региона, хотя они и серьезны и относятся к району, исторически являющемуся зоной нашего влияния. Но должен со всем почтением указать и на то, что ваша страна тоже сталкивается с аналогичными проблемами в Азии, например в Афганистане или во Вьетнаме.

ГОРБАЧЕВ. Мы с этих стран не берем процентов, наоборот, списываем их долги. Если уж говорить об Афганистане, то это первая страна, с которой Советский Союз установил дипломатические отношения². И всегда с Афганистаном – будь то с королями или племенными вождями – мы поддерживали хорошие отношения. Конечно, у этой страны множество проблем, вызванных ее крайней отсталостью. Ведь там по-прежнему родоплеменной строй. И поэтому вполне естественно, что появились люди, которые хотели придать развитию страны больший динамизм. Что у них получится, как решится в условиях их все еще племенной структуры, мы не знаем. Но у нас дружественные отношения с этой страной, и они должны быть дружественными всегда. А что получается? Как только там наметились перемены, она попала под давление извне, вмешались внешние силы. Поэтому афганцы и обратились к нам за помощью.

ХАРТ. Я хочу сказать, что наши две страны должны найти возможность на основе сотрудничества и как равные заниматься этими и другими подобными проблемами. Действительно, в мире много экономических и политических проблем. Когда я выдвигал свою кандидатуру в Президенты, то я говорил: «Пусть Соединенные Штаты бросят вызов Советскому Союзу, призовут его сотрудничать с нами в деле ликвидации голода к 2000 году». Кому-то этот призыв мог показаться чисто идеалистическим, но я думаю, что это вполне возможное дело, достойная задача для наших двух стран.

Вы сказали, что оптимистически смотрите на мир или, во всяком случае, не являетесь пессимистом. В свое время Президент Кеннеди сказал, что он является идеалистом без иллюзий. Такая формулировка хорошо характеризует и мой подход.

² Дипломатические отношения с Афганистаном Советское государство установило 10 июня 1919 г.

Года три назад я был в Сальвадоре. Я посетил деревню, через которую прокатывались волнами то войска революционеров, то войска правительства. Но населению это было безразлично, людям не нравились ни революционеры, ни правительство, ибо ни те, ни другие не обеспечивали для него продовольствия, крова, здравоохранения, образования.

Когда я упомянул про Афганистан, я не хотел затевать полемику по поводу советской политики там. Я просто хотел сказать, что в то время как США, как Вы правильно заметили, сталкиваются с трудными проблемами, с серьезным вызовом в Латинской Америке, то же самое можно сказать не только о США. Обе наши страны в своих традиционных сферах влияния сталкиваются с трудными проблемами, с трудным вызовом.

Я хотел спросить Вас прежде всего о Вашей точке зрения по поводу Рейкьявика. Но сначала хотел бы высказать пару соображений, связанных с политической обстановкой в США. Я понял Ваши высказывания по поводу американской политики. Так что, по Вашему мнению, некоторые политические силы просто не допуснят положительного решения определенных вопросов. В связи с этим я вспоминаю, что в США поговаривают, будто, согласно Вашему мнению, американские политики воспитываются и контролируются военно-корпоративными силами. Но США – гораздо более сложная страна. В США есть политические деятели, подобные мне, которые не находятся под контролем этих сил и тем не менее стоят достаточно близко к вершине руководства. Впрочем, может быть, когда-нибудь у нас будет с Вами больше времени, чтобы обсудить это поподробнее.

ГОРБАЧЕВ. Я представляю себе политический процесс в США. И я не хочу вступать с Вами в полемику, но думаю, что прав был Президент Эйзенхаэр, когда на основе 8-летнего своего президентского опыта и опыта военного человека он в конце своего президентства предупредил американцев об опасности влияния военно-промышленных корпораций. Думаю, что сейчас многое в его пророчествах подтвердилось. Я сам видел, как были связаны руки у американского Президента в Рейкьявике. Я бы сказал, что **Рейкьявик**

разрушил мое прежнее представление о том, что является возможным для американского Президента. Каждый раз после перерыва в наших обсуждениях приходилось буквально все начинать сначала. Президент был связан по рукам и ногам. Хотя, конечно, дело не только в этом. **Сказывалась и принадлежность самого Президента к определенного рода центрам, к определенной философии.**

ХАРТ. Вот именно. Но ведь не все американские президенты относятся к этой категории. Вот пример. В моем штате Колорадо находится главный подрядчик по производству ракет MX, но именно я возглавил оппозицию в сенате против программы MX. Так что у нас есть разные лидеры, разные политические деятели, разная степень самостоятельности в политике.

ГОРБАЧЕВ. Хочу заметить, что если речь идет о том, что на Президента оказывают воздействие соображения и интересы национальной обороны, то мы это прекрасно понимаем. Мы понимаем, что каждый руководитель – будь то в США или в СССР – не может не считаться с потребностями обороны, что, исходя из этих потребностей, принимаются определенные решения, делаются определенные заказы. В этом нет ничего сверхъестественного. Но если вся деятельность Президента или другого лидера контролируется силами, о которых я говорил, если им подчинена его внутренняя и внешняя политика, то тогда трудно строить отношения, трудно искать пути к разоружению, к улучшению международной обстановки.

Почему мир должен быть заложником прожорливости военно-промышленного бизнеса, заложником тех, кто ради прибылей готов продолжать гонку вооружений до бесконечности? Неужели американская администрация, американские промышленники не способны найти выход из положения, когда прекращаются те или иные заказы на ракеты, самолеты и т. д., и надо как-то использовать промышленные мощности? Неужели надо продолжать гонку вооружений, несмотря на все ее последствия для США и для мира? Я уверен, что у США должно быть достаточно ума для того, чтобы найти возможность использовать эти мощности, огромные научные

возможности для других целей, для того, чтобы Америка предложила что-то позитивное в области космоса, в области гражданской промышленности, в международных делах. Вот это будет действительно лидерство, вот тогда Америка будет не пугать других, а действительно показывать пример.

ХАРТ. Да, конечно, какие бы ни были причины этого, но у обеих сторон слишком много оружия.

ГОРБАЧЕВ. Мы отставания от США не допустим, но я скажу Вам, что мы кое-что переосмыслили, пересмотрели взгляды на военный паритет. Мы считаем, что равенство не означает идти всегда нос в нос, ухо в ухо с Америкой. Но ответ на каждом этапе мы давать будем. Пусть никто не говорит потом, что Советский Союз об этом не предупреждал. Думаю, и вам, и нам сейчас ясно, что СОИ вас не спасет. Мы найдем способ, как ее девальвировать. И вообще: если Америка выступает за СОИ, то как в таком случае можно говорить о разоружении? И почему мы должны облегчать вашу задачу? В конце концов, мы можем играть и совсем в другую игру. Если вы будете развертывать СОИ, то мы не будем сокращать ядерное оружие и найдем ответ на эту программу, причем в другой области. Если Соединенные Штаты не хотят вместе искать ответ в возникшей ситуации, то пусть все-таки США подумают о последствиях. Подобного развития событий может хотеть только сумасшедший.

Что вы хотите получить от СОИ? Технологических выгод? Но, посмотрите, в то время как еще неизвестно, что принесет в этом плане СОИ, мы, осуществляя проект «Вега», вышли на новые материалы, новую технологию, новую оптику, новую электронику, системы управления и т. д. Это свидетельствует о том, что мирный космос и мирные программы могут давать огромный технический результат. Сейчас я говорю, может быть, с будущим американским Президентом, а нынешним летом (*18 июля 1986 года*) у меня была беседа один на один с бывшим Президентом США Р. Никсоном. И он заявил мне: слишком далеко завела нас погоня за призраком военного превосходства. Эта погоня привела нас к той страшной конфронтации, которая

существует сейчас между нашими странами. Мы говорим США, что готовы сотрудничать с ними в осуществлении совместного полета на Марс. Вы хотите с нами сотрудничать? Нет. Потому что не хотите делиться с нами своими техническими достижениями. Тогда зачем говорить, будто США готовы поделиться с нами результатами СОИ?

Надо прекратить погоню за призраком военного превосходства и надо положить конец иллюзиям о том, что Советский Союз можно поставить на колени.

В одном документе Совета НАТО говорится о том, что Советский Союз надо измотать гонкой вооружений. Этот документ отражает дискуссию в НАТО по СОИ. США добивались поддержки СОИ со стороны своих союзников. Просчитывались различные варианты роста национального дохода СССР: что будет при росте в 2 процента, 4 процента, или при еще большем росте. И в этой дискуссии НАТО пришла к выводу, что Советский Союз можно измотать посредством СОИ. Именно таким образом Соединенным Штатам удалось доказать, что СОИ заслуживает поддержки.

Кстати, замечу: это, наверное, хорошо, что мы знаем всё, что у вас происходит, а вы – что происходит у нас. Может быть, это поможет избежать иллюзий.

ХАРТ. Думаю, что много иллюзий существует с обеих сторон. Наверняка в вашем Министерстве обороны есть какая-нибудь умная голова, которая пишет документ о том, как попытаться обанкротить Соединенные Штаты посредством какой-нибудь военной программы.

ГОРБАЧЕВ. Я и сам знаю, как это сделать. Стоит мне сказать что-нибудь против СОИ, как начинается лихорадочная деятельность. Мои высказывания действуют на Америку, как красная тряпка на быка.

ХАРТ. Вы должны знать, что американский Конгресс урезал и будет продолжать урезывать ассигнования на СОИ. Вы должны знать, что начиная с 1982 года Конгресс неизменно сокращает представляемый администрацией военный бюджет. В Америке сейчас никто всерьез не считает, что США

смогут разработать всеохватывающий оборонный щит стоимостью в один триллион долларов. Я понимаю, почему администрация и Президент делают определенные заявления. Но в последние два-три года налицо консенсус в США относительно того, что следует ограничиться продолжением исследований в том виде, как они осуществлялись до речи Президента в марте 1983 года, и ни в коем случае не менять нашу доктрину сдерживания в пользу доктрины космической обороны.

ГОРБАЧЕВ. Мы сказали в Рейкьявике: давайте договоримся о строгом соблюдении Договора по ПРО. Уж если Президент так привержен СОИ, то договоримся ограничить эту программу лабораторными исследованиями без выхода в космос. Не получилось. Но ведь если вы выходите в космос, то это создает совершенно новую ситуацию. Разве мы этого не видим? Думаю, очень опасно считать своих партнеров по переговорам дураками.

ХАРТ. Конечно, но также опасно слишком обобщать.

Вы только что сказали одну существенную вещь. Насколько я понял, в Рейкьявике так и осталось неясным, что означает термин «лаборатория». Вы сказали, что нельзя выводить испытания за пределы лаборатории в космос. Но ведь от лаборатории до космоса огромный скачок. Что имеется в виду под словом «лаборатория»?

ГОРБАЧЕВ. Мы предложили обсудить, какой смысл вкладывается в понятие «лаборатория». Такое предложение Э.А. Шеварднадзе сделал на встрече с госсекретарем Шульцем в Вене. Однако Соединенные Штаты не захотели этого обсуждать. Известно ли об этом Конгрессу? Мы сказали и повторили это в Женеве: поскольку американская сторона утверждает, что будет соблюдать договоренность по ПРО, давайте обсудим толкование положений этого Договора.

ХАРТ. Администрация утверждает, что она представила в Вене документ, отражающий точки договоренности, достигнутые в Рейкьявике, и предложила обсудить этот документ, однако Советский Союз отказался это сделать.

ГОРБАЧЕВ. Да, потому что документ, предложенный г-ном Шульцем, означал демонтаж договоренностей, достигнутых в Рейкьявике, и мы это увидели.

ХАРТ. В каком смысле демонтаж?

ГОРБАЧЕВ. Нас просто пытались перехитрить. А это тоже иллюзия, и надо с такими иллюзиями кончать. Мы совершенно определенно знаем, что невозможна договоренность, при которой СССР перехитрил бы США. Если не учитываются интересы и той и другой стороны, то такая договоренность – это просто чепуха. Мы за то, чтобы обсуждать с США вопросы как равные, и я обратил внимание на то, что и Вы об этом говорили. Мы не можем делать вид, будто у США нет своих интересов. Но и у нас есть интересы, и надо искать компромисс на стыке этих интересов, добиваться равенства интересов безопасности, да и – добавлю – равенства экономических интересов.

А у Соединенных Штатов буквально какой-то комплекс иллюзий, что на Советский Союз можно поднажать, надавить, и США добьются своего. Причиной неудачи всей политики США в отношении Советского Союза является то, что она, эта политика, была основана на убеждении, что раз в СССР экономические трудности, застой, напряженность и нехватки, сложности на международной арене, то надо всем этим воспользоваться и нажимать на нас, давить, выдавливать уступки одну за другой. И таким образом в конце концов добиваться превосходства. Но из этого ничего не вышло и не выйдет.

ХАРТ. Так что же, нет точек договоренности?

ГОРБАЧЕВ. Договоренность сорвалась. Почему же все сорвалось? Потому что США надеялись, что Советский Союз, при нажиме на него, в конце концов пойдет на все американские условия, согласится на продолжение ядерных взрывов, совершенствование ядерных вооружений, проведение исследований по СОИ на условиях американского толкования ПРО. Думали, что стоит надавить на Советский Союз, и он пойдет на все. Не вышло!

ХАРТ. Но ведь была договоренность о 50-процентном сокращении ядерных вооружение в течение пяти лет? Существуют ли эти рамки? Договорились ли о ликвидации баллистических ракет? Считаете ли Вы, что есть, так сказать, согласие в принципе, договоренность об общих рамках?

ГОРБАЧЕВ. Хорошо, поговорим об этом. Но меня просто поражает, что Вы, сенатор, не в курсе того, что произошло в Рейкьявике, что американский политический процесс допускает подобное положение.

ХАРТ. Я не сказал, что я не знаю, что произошло. Но я не был там и хочу услышать Вашу точку зрения.

ГОРБАЧЕВ. Хорошо. Я там был, и мое толкование того, что там произошло, не отличается от того, что я говорил через 51 минуту после завершения встречи на пресс-конференции. Тот факт, что мне пришлось трижды выступать по Рейкьявiku, связан с тем, что наши партнеры нагромоздили огромное количество путаной информации, вводили в заблуждение на этот счет.

Я даже пошел на такой беспрецедентный шаг, как публикация целых кусков из записей наших переговоров. Но ведь того, что произошло в Рейкьявике, – никогда раньше не было. И просто нельзя допустить, чтобы Рейкьявик заболтали и запутали. Поэтому мы решили, что не стоит ради какой-то формальности допускать подобное.

Теперь телеграфно изложу то, что имело место в Рейкьявике. В течение первых пятидесяти минут мы беседовали с Президентом один на один. Я предложил обменяться мнениями по поводу событий, имевших место после Женевы, и мы высказали наши точки зрения на этот счет. Я сказал, что Советский Союз, верный духу Женевы, трижды продлевал мораторий на ядерные испытания, 15 января внес Программу ликвидации ядерного оружия к 2000 году, затем – новые предложения по химическому оружию, по мерам доверия в Стокгольме, вместе со своими союзниками по Варшавскому Договору предложил сокращение обычных сил и вооружений. И это лишь основные вехи. Я спросил Президента: а что же делали все это время США?

Так мы беседовали 50 минут. Но когда пришло время вносить наши предложения, я сказал Президенту, что следовало бы, наверное, пригласить наших министров иностранных дел. Мне казалось, что надо иметь свидетелей, и это впоследствии подтвердилось.

Я изложил предложения Советского Союза, построенные в качестве единого пакета, и передал Президенту текст на английском языке. Я хотел, чтобы потом никто не смог сказать, что, дескать, неправильно меня понял, или было неправильно переведено и т. д.

Предложения, переданные нами Президенту в Рейкьявике, были новыми. Мы предложили сократить на 50 процентов стратегические наступательные вооружения сторон. Второе – по ракетам средней дальности. Мы предложили фактически нулевой вариант. А английский и французский ядерные арсеналы предложили оставить пока в стороне. По ракетам средней дальности в Азии мы предложили заморозить их количество и начать переговоры об их дальнейшей судьбе. Таково было наше первое предложение в Рейкьявике. Ракеты с меньшей дальностью мы также предложили заморозить и вести по ним переговоры.

Третье – об укреплении режима ПРО. Мы сказали: поскольку мы начинаем глубокое сокращение ядерных вооружений, нельзя оставлять возможность каких-либо обходных маневров, нарушения одной стороной равенства. Поэтому мы предложили укрепить Договор по ПРО путем невыхода из него в течение 10 лет и разрешить лишь лабораторные исследования. Мы также добавили, что, поскольку испытания противоспутниковых систем в космосе также могут вести к созданию компонентов космического ПРО, такие испытания тоже следует запретить.

По ядерным взрывам: мы предложили начать полномасштабные переговоры о запрещении всех ядерных испытаний, причем для того, чтобы совместить точки зрения СССР и США, согласились, чтобы в рамках переговоров по запрещению ядерных испытаний на первом этапе, были бы

обсуждены такие вопросы, как ограничение количества и мощности ядерных испытаний, а также относительно Договоров 1974 и 1976 годов.

Как видите, мы пошли на большие уступки – и по средним ракетам, и по стратегическим вооружениям. Ведь мы не настаивали на включении в категорию стратегических вооружений ракет «Першинг-2», хотя они могут достичь нашей территории.

Что же произошло дальше? Президент вытащил старый женевский хлам, у него не было новых предложений, хотя в своем письме, приглашавшем Президента на встречу, я говорил, что Женевские переговоры в тупике, что они увязли в статистике и что необходимы новые импульсы, решительные шаги на высшем уровне. Именно поэтому я предложил встретиться, отложив другие дела. Понятно, чтобы дать новые импульсы, у Президента должны были быть новые предложения, но вместо этого он приехал с пустыми руками, хотел лишь «собрать плоды в свою корзину».

Итак, он начал излагать все те женевские позиции, которые и привели переговоры в тупик. Я сказал: «Господин Президент, все это уже обсуждалось. Наши новые предложения беспрецедентны, обдумайте их. Давайте сделаем перерыв, и Вы обсудите их со своими экспертами».

Президент согласился. Но когда он вернулся, то начал читать заранее заготовленный документ, в котором не было ничего нового, кроме отдельных вставок, содержащих реакцию на наши позиции. Я сказал, что мы глубоко разочарованы таким подходом, но все же попробуем обсудить вопросы один за другим.

По стратегическим наступательным вооружениям, сказал я, у нас с вами имеется триада, сложившаяся исторически. Я передал ему подготовленную нашим Генштабом таблицу, отражающую эту триаду и количества СНВ. Я сказал: давайте возьмем каждую часть триады, сократим ее наполовину – наземные стратегические ракеты, ракеты подводных лодок, тяжелые бомбардировщики. Таким образом, все стратегическое противостояние будет сокращено наполовину. Сначала Президент сказал в ответ, что ему надо бы

посоветоваться со своими экспертами, но г-н Шульц шепнул ему, что это хорошее предложение. И Президент прислушался к совету и согласился на 50-процентное сокращение СНВ в течение 5 лет. Я спросил: что Вам не нравится в нашем предложении по средним ракетам, ведь нулевой вариант – это ваше предложение. Президент в ответ на мои вопросы в конце концов сказал, что США не устраивает предлагаемое нами решение по Азии. Что же, сказал я, давайте при ликвидации советских и американских РСД в Европе оставим лишь по 100 боеголовок таких ракет – у СССР в Азии и у США на их территории. Так мы и договорились. Я видел, что Президент был очень удовлетворен. Действительно, ведь речь шла не об ограничении, а возможности реальных крупных сокращений ядерного оружия.

Тогда я перешел к третьему разделу нашего пакета. Коль скоро мы идем на глубокие сокращения СНВ, фактически ликвидируем ракеты средней дальности, нам необходима теперь уверенность, что ни одна из сторон не вырвется к военному превосходству на этом новом этапе. Поэтому мы предложили сохранить и ужесточить режим ПРО, тем более что в самом Договоре говорится о возможности сторон обсудить, как сделать его более эффективным. Это ведь вполне логично.

Итак, мы предложили в течение 10 лет не выходить из Договора, при разрешении на лабораторные исследования и испытания. Раньше мы возражали против таких испытаний, но теперь готовы на это пойти. Я прямо сказал Президенту, что мы делаем это для того, чтобы помочь ему спасти лицо. Мы отказались от своей прежней позиции, пошли на такую уступку. Но испытания возможны только в условиях лабораторий.

Президент согласился на десятилетний невыход из ПРО, но не пошел на ограничение испытаний лабораторными условиями.

Так что же, спросил я, мы будем сокращать и ликвидировать ядерное оружие, а вы при этом будете идти с оружием в космос? Но мы не простаки, мы вам помочь не будем. Наоборот, мы сделаем все, чтобы наши ракеты, несмотря ни на что, смогли проникнуть на территорию США.

Я сказал Президенту: мы с Вами договорились в Женеве, что ядерная война недопустима и в ней не может быть победителя. Но ведь СОИ как раз предполагает возможность ядерной войны. Как же понимать вашу теперешнюю позицию? Он стал ссылаться на возможность ядерного оружия у других. Я ответил на это, что, разумеется, мы должны будем на следующем этапе вовлечь и других в процесс ликвидации ядерного оружия. И тут с американской стороны пошла типичная бодяга, не серьезные переговоры, а именно бодяга.

ХАРТ. Я хотел бы спросить: а на этом этапе тоже не обсуждался вопрос о том, какой смысл вкладывается в термин «лаборатория»?

ГОРБАЧЕВ. Нет, американская сторона отвергла наше предложение с порога.

По ядерным испытаниям мы предложили начать переговоры – может быть, двусторонние между СССР и США, либо вместе с Великобританией, т. е. продолжить прежние переговоры. Американская сторона предлагала вести переговоры о ядерных испытаниях, не об их запрещении. Я заметил, что это нелогично. Ведь если, сказал я, мы договорились решить вопрос о стратегических наступательных вооружениях и о ракетах средней дальности и передать нашу договоренность делегациям в Женеве для выработки проектов соглашений, то зачем тогда продолжать ядерные взрывы? Где тут логика?

Здесь мы сделали перерыв. Дискуссия продолжалась на уровне экспертов. С нашей стороны группу возглавлял маршал Ахромеев. Вместе с американскими экспертами они заседали всю ночь, но достичь договоренности по вопросам, касающимся СОИ и ПРО, не смогли.

ХАРТ. Я правильно понимаю, что эксперты обсуждали не только проблемы ядерных испытаний, но и ПРО?

ГОРБАЧЕВ. Они обсуждали весь круг вопросов.

Утром мы продолжали обсуждение с Президентом. Американская сторона внесла письменное предложение по стратегическим наступательным вооружениям. Зашла речь об их ликвидации в течение 10 лет. Мы готовы на

это пойти, хотя наша программа от 15 января предусматривала их ликвидацию к 2000 году. У нас был только один вопрос: почему, спросили мы, в то время как в течение первых пяти лет на 50 процентов сокращались бы все элементы стратегической триады, в течение вторых пяти лет по предложению США ликвидировались бы только баллистические ракеты? Мы сказали: это просто непонятно, ведь вчера мы говорили о 50-процентном сокращении и МБР, и БРПЛ, и бомбардировщиков. После дальнейшего обсуждения мы пришли к тому, что ликвидироваться будут не только баллистические ракеты, но и все стратегические вооружения. Кстати, первым об этом сообщил общественности госсекретарь Шульц, который провел пресс-конференцию в Рейкьявике раньше меня. Он тогда сказал, что ликвидации подлежали бы все стратегические наступательные вооружения. А потом, уже по возвращении Президента в США, начали говорить только о баллистических ракетах. Вот что мы имеем в виду, когда говорим о демонтаже договоренностей Рейкьявика.

Так что дело обстояло именно так: мы договорились по стратегическим наступательным вооружениям и ракетам средней дальности, но застряли на вопросе о ПРО. И здесь я Вам хочу сказать строго конфиденциально, что Президент просил, просто умолял меня пойти на уступку США по этому вопросу. Он сказал: я дам согласие на 10-летний срок невыхода из ПРО, а Вы снимите формулировку о лабораторных исследованиях. Только пойдите нам навстречу в этом вопросе, говорил Президент, и тогда в наших отношениях откроются блестящие возможности и перспективы. Но я сказал, что это не вопрос, например, о закупках зерна, речь идет не о том, чтобы купить еще один-два миллиона тонн американской пшеницы, а о безопасности нашего государства. Ею мы поступиться не можем.

ХАРТ. Но и на этом этапе не обсуждалось определение, что такое «лаборатория»?

ГОРБАЧЕВ. Нет, Соединенные Штаты просто предложили нам снять вопрос об ограничении испытаний только лабораторными.

Хочу еще раз попросить Вас никому не говорить о том, что я Вам сообщил строго доверительно. Я очень не хотел бы, чтобы это куда-то просочилось.

ХАРТ. Безусловно. Я это понимаю. Можете быть уверены.

ГОРБАЧЕВ. Так что договоренность была возможна, и она по-прежнему возможна, я в этом убежден.

ХАРТ. Вы считаете, что по ядерным испытаниям можно было договориться?

ГОРБАЧЕВ. В отличие от вопроса о СОИ договоренность по данному вопросу была возможна. Но ведь и США, и СССР прекрасно понимают, что ядерные испытания нужны, если создавать космические вооружения. Вы знаете о проекте лазера с ядерной накачкой и т.п.

ХАРТ. Но я имею в виду испытания ядерных вооружений как таковых.

ГОРБАЧЕВ. По этому вопросу было продвижение. Американская сторона на каком-то этапе сказала, что стороны могли бы начать переговоры, которые в конечном счете привели бы к прекращению ядерных испытаний параллельно с ликвидацией ядерного оружия, то есть предлагалось этот процесс затянуть, но тем не менее признаки движения были. А вот вопрос о СОИ привел к тому, что все рухнуло, и, естественно, мы были разочарованы, и это было видно по нашим лицам, когда мы вышли на улицу.

Вот что произошло в Рейкьявике. А потом начались попытки фальсифицировать Рейкьявик, отказаться от договоренности о ликвидации СНВ в течение 10 лет и от сокращения всех элементов стратегической триады. Вытаскивают снова старые уровни и подуровни, рассчитывая получить преимущества над нами.

ХАРТ. Я хочу задать Вам такой вопрос. Сейчас, когда в Исландии оказалось невозможным договориться по всему пакету, считаете ли Вы, что следует вернуться к традиционному ведению переговоров методом постепенных шагов, уровней и подуровней, или надо продолжать стремиться к 50-процентным и 100-процентным сокращениям?

ГОРБАЧЕВ. Я уверен, что мы должны основывать все наши переговоры – и на высшем уровне, и в Женеве – на Рейкьявике. Если там было что-то недодумано, не до конца звешено, это можно обсудить. Но идти надо вперед от Рейкьявика. Ведь то, что было до него, и что пытаются сейчас возродить, ни к чему не привело. Стало быть, отказаться от Рейкьявика – значило бы отказаться от идеи ликвидации ядерного оружия, вновь обречь переговоры на тупик.

Вот сейчас по вопросу о ракетах средней дальности Соединенные Штаты настаивают на праве нарастить количество ракет меньшей дальности, хотя в Рейкьявике речь шла о том, чтобы их заморозить и начать переговоры с целью их ликвидации. Нынешняя же позиция США означает не разоружение, а наращивание ядерных вооружений. Или возьмите вопрос об остающихся 100 боеголовках РСД в Азии. США теперь предлагают развернуть свои 100 боеголовок на Аляске, откуда они будут достигать нашей территории. Что за этим стоит?

США продолжают настаивать на своем «праве» испытывать компоненты систем ПРО в космосе. Сейчас американская сторона говорит, что она не может согласиться на безусловное обязательство о невыходе из Договора по ПРО, о чём мы договорились в Рейкьявике.

ХАРТ. Значит, американская позиция изменилась?

ГОРБАЧЕВ. Да, господин Кампельман³ сказал в Женеве, что обязательство о невыходе из Договора по ПРО в течение 10 лет будет действовать только в том случае, если не будут поставлены под угрозу «высшие национальные интересы США». Таким образом, США практически желают сохранить за собой право выйти из Договора по ПРО, в то время как в Рейкьявике договорились о невыходе из этого Договора в условиях глубоких сокращений и ликвидации ядерного оружия.

³ Кампельман, Макс – в 1985-1989 годах глава делегации США на переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве.

Ну, и, наконец, какого рода сигналом, по-Вашему, является отказ США от Договора ОСВ-2? Вот что я имел в виду, когда говорил, что США хотят демонтировать договоренности, достигнутые в Рейкьявике. Думаю, что ответил на Ваш вопрос.

ХАРТ. Да, я очень ценю это и благодарен. Кстати, я был автором принятой сенатом поправки к бюджету Министерства обороны на 1987 год, которая запрещает расходование средств на превышение пределов по Договору ОСВ-2.

Теперь хотел бы высказать две мысли о роли контроля над вооружениями в американской политической жизни. Прежде всего, я хочу полностью поддержать высказанную Вами в начале беседы мысль о том, что не следует выжидать два года, пока появится новый Президент.

ГОРБАЧЕВ. Мы не собираемся так поступать. Поэтому мы не эксплуатируем трудности, с которыми столкнулась сейчас администрация. Знаем мы и то, что ни при каких обстоятельствах Соединенные Штаты не пойдут на неравную договоренность. Не пойдем на такую договоренность и мы.

ХАРТ. Теперь мое второе соображение. Кое-кто высказывает такую мысль, что после прихода новой администрации ей потребуется года два или даже три, чтобы освоиться и о чем-то договориться с вами по контролю над вооружениями. С этой мыслью я тоже не согласен. Я убежден, что в 1988 году новый Президент, приверженный делу контроля над вооружениями в духе того, что мы обсудили здесь и о чем договорились в Рейкьявике, сможет, если он будет действовать быстро и решительно, и, если этого захочет Советский Союз, достичь договоренности по контролю над вооружениями и добиться ратификации этого соглашения.

И еще об одном. В некоторых кругах сложилось впечатление, что с точки зрения Советского Союза лучше иметь дело с Республиканской администрацией, ибо ей проще добиться ратификации договора в Сенате. С этим я тоже не согласен.

ГОРБАЧЕВ. А кто так думает?

ХАРТ. Кое-кто в США считает, что в Советском Союзе есть люди, придерживающиеся такого мнения, исходя из опыта ваших договоренностей с Президентом Никсоном.

ГОРБАЧЕВ. Ну, у нас в стране 280 миллионов человек. И я не знаю, что у каждого из них на уме. Но про себя, про советское руководство могу сказать: мы будем продолжать обсуждать вопросы, вести дискуссии и переговоры с той администрацией, которая избрана американским народом. Какая это администрация – дело американского народа. Если мы попробуем как-то в это вмешиваться, то лишь запутаемся. В то же время мы, естественно, заинтересованы иметь дело с теми, кто в состоянии обсуждать и договариваться, пока вопросы контроля над вооружениями находятся еще в рамках политического процесса. Гораздо хуже будет, если этим вопросом займутся автоматы, которые, как мы знаем, недостаточно надежны. Если командовать будут они, возникнет исключительная опасность. А ведь именно к этому ведет СОИ. Что получится? Усиление недоверия, косой взгляд друг на друга, ожидание каверзы, стремление обезопасить себя военными средствами. **А если не будет доверия, если будет ощущаться угроза, то контроль над вооружениями невозможен.** Я хочу еще раз предупредить против ситуации, когда в космосе будет такое оружие, которым будет управлять компьютер, делающий ошибки. Нет, ничто не может заменить политический диалог, политических решений.

ХАРТ. Я с этим вполне согласен.

Вы, господин Генеральный секретарь, очень любезны и щедро уделили мне столько внимания, что я считаю это для себя большой честью, и я буквально несколько минут хотел бы занять другим вопросом, который является весьма важным и деликатным.

ГОРБАЧЕВ. Я уже знаю, какой это вопрос. Здесь, на этом месте еще не сидел ни один представитель США, который не говорил бы мне о своей заботе о правами человека».

ХАРТ. Да, но я думаю, что смогу говорить об этом не так, как другие наши деятели.

Я знаю, что ваша революция была не только политическая, как наша, но и экономическая революция. Я знаю, как много сделано в вашей стране за эти 70 лет для того, чтобы помочь рядовому человеку решить для него проблемы жилья, здравоохранения, образования. Я знаю и то, что у нас в стране немало проблем в ряде областей. Знаю, что у нас существует проблема бедности. И я являюсь политическим деятелем отчасти потому, что хочу изменить нынешнее положение. Как знает господин Добрынин, я никогда не занимался политическим позерством вокруг отдельных вопросов прав человека, как это делают другие американские политики. В то же время я обращался к вашим представителям в США и здесь по поводу некоторых конкретных дел, каким-то образом связанных с США, в частности дел о семьях и их воссоединении.

В частности, особую озабоченность вызывает судьба двух пожилых людей, проживающих в СССР, дочь которых находится в США. Эти люди – профессор Маймин и его жена – хотели бы провести последние годы своей жизни со своей дочерью, и я думаю, что с вашей стороны было бы жестом дружбы и человечности, если бы это было им разрешено.

Я обращался еще по 10-12 делам. И я ни в коем случае не собираюсь созывать пресс-конференцию и извлекать из этого для себя какие-то политические выгоды. Но все же очень просил бы дать положительное решение по упомянутому мною вопросу.

ГОРБАЧЕВ. Несомненно, гуманитарные вопросы должны занимать определенное место в отношениях между государствами. Там, где они не становятся предметом политической спекуляции, мы уделяем им должное внимание. И не случайно мы поставили их на важное место в системе всеобъемлющей безопасности, предложенной XXVII съездом КПСС. И это сделано не для пропаганды. Наш съезд – событие слишком серьезное, чтобы заниматься такой дешевой пропагандой. У нас сейчас осуществляются такие вещи в плане экономическом, социальном, в сфере демократизации, которые

позволяют расширить использование потенциала нашей системы в интересах каждого отдельного человека.

На Венской встрече мы предложили провести общеевропейский конгресс в Москве по всему кругу гуманитарных вопросов. Но посмотрите, сколько же поднялось в этой связи всякой дряни! Правда, многие восприняли наше предложение спокойно, реалистически, а кое-кто предлагает использовать конгресс не для сопоставления и сотрудничества, а для того, чтобы вылить на нас ушат грязи.

Ну, что же, давайте обличать друг друга, это тоже можно. Но, думаю, все же лучше сотрудничать и в этих вопросах. Сейчас у нас принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об упрощении процедуры въезда и выезда из нашей страны⁴, включая воссоединение семей. Он войдет в силу с 1 января 1987 года. Но и сейчас мы считаем, что воссоединение семей – вполне реальное дело. И только по одному пункту даже и в этих случаях мы занимаем твердую позицию: те, кто имел отношение к вопросам государственной важности, в основном оборонным вопросам, не могут выехать за границу. Но это единственное ограничение. Не знаю, какие ограничения такого рода существуют в США, но, во всяком случае, весь КОКОМ⁵ на этом построен. И ущемляет он не отдельных лиц, а целые государства.

Если в вашем случае этого препятствия нет, то те, о ком Вы просите, могут выехать. Если у вас есть конкретные фамилии, мы можем их еще раз рассмотреть.

ХАРТ. Мы передавали эти фамилии вашим представителям.

Что касается профессора Маймина, то он действительно лет 20-25 назад был связан с вопросами обороны, но это было давно. Сейчас это пожилой человек, а жена его больна раком. И я думаю, что можно было в данном

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР об упрощении процедуры въезда и выезда из СССР принят 28 августа 1986 г.

⁵ КОКОМ – координационный комитет по экспортному контролю – международная организация стран НАТО (кроме Исландии), Японии и Австралии для осуществления контроля над экспортом в СССР и другие социалистические страны. Существовал с 1949 г. Основные функции КОКОМ – установление и ежегодное обновление списков контролируемых или не подлежащих экспорту технологий и техники.

конкретном случае не настаивать на тех соображениях национальной безопасности, о которых Вы говорили.

ГОРБАЧЕВ. Я Вам изложил наш подход. Может быть, Вам, Соединенным Штатам, он не нравится. Но такова жизнь. Думаю, что, если мы будем договариваться по вопросам безопасности и разоружения, все другие вопросы будут решаться проще. Ведь были в наших отношениях и лучшие времена, и тогда вы оставались Америкой, а мы оставались Советским Союзом. И мы строили наши отношения, исходя из этого.

Я уверен, что мы можем развивать и наши экономические отношения. Правда, сейчас, в нынешних условиях это, к сожалению, не очень реально. Но я скажу Вам так: даже хорошо, что Соединенные Штаты ввели в свое время технические и другие ограничения против нас. Когда в 1979 году Президент Картер в связи с событиями в Афганистане ввел против нас эмбарго на поставки зерна, мы приняли ряд принципиальных решений, чтобы никогда не попасть в ловушку. Мы выделили определенные стратегические проблемы, и сейчас 90-95 процентов этих проблем решены.

США ввели ограничения на новую технологию и компьютеры. И это тоже в конце концов помогло нам. Сегодня президент Академии наук СССР академик Марчук сообщил мне о завершении важного этапа разработки советского суперкомпьютера. И все это основано на нашей архитектонике, нашем программном обеспечении, разработано нашими молодыми специалистами. Академик Марчук просил построить для них новый город. И мы это сделаем.

У нас были сложности с персональными компьютерами. Чтобы преодолеть отставание, мы объявили конкурс и выбрали лучший вариант. Сейчас разворачиваем это дело.

У нас всегда была хорошая технология роторно-конвейерных линий, обрабатывающих центров, но отставало математическое обеспечение, системы управления. Сейчас вместе с социалистическими странами мы решаем эту проблему. Поскольку Запад не хочет давать нам хорошую

технику, мы сделали упор в этой пятилетке на машиностроение и вкладываем в машиностроительный комплекс 80 миллиардов рублей, т.е. в два раза больше, чем прежде. Так что, как видите, нет худа без добра.

ХАРТ. Я простой юрист и мало смыслю в компьютерах. Но я уверен, что Советский Союз может гордиться своими достижениями в области науки и техники. И я думаю, что в вопросах, которые затрагивают жизнь конкретных людей, мы можем продолжать экономическое соперничество, причем, я надеюсь, не прибегая к таким методам, как эмбарго. Я также надеюсь, что продолжение нашего соперничества не будет отрицательно сказываться на жизни этих конкретных людей. Вы только что дали понять, что на эти вопросы влияют наши отношения в других областях. И я это понимаю. Это реальность. Но думаю, что мы должны не только считаться с какими-то реальностями, но и создавать новые реальности, и я надеюсь, что это тоже возможно.

ГОРБАЧЕВ. Да, я согласен с этим. И хочу еще добавить: не надо воспитывать у американцев ненависть к советским людям. Может быть, иногда Президенту и нужны бывают шовинистические вспышки. Но когда это становится политической доктриной, это уже опасно.

Я хочу предложить: пусть Ваша дочь (*Андреа Харт*), которая изучает русский язык, приедет к нам в Советский Союз. Пусть побудет у нас месяц или больше – два-три-четыре месяца. Пусть она поездит сама, не по программе американского посольства, а по приглашению советских молодежных организаций. Пусть она съездит в разные концы Советского Союза, поживет в наших семьях. Тогда будет информация из первых рук. Кстати, когда наши люди встречаются с американцами здесь или в США, они удивительно легко находят общий язык.

Господин сенатор, я рад, что мы с Вами познакомились, рад, что мы, как я и хотел этого, беседовали в такой дружественной атмосфере. Я намеренно употребил это слово. Я уверен, что советский народ и американский народ знают, как им поступать. И я убежден, что сейчас на политических деятелях лежит огромная ответственность, обязанность понять и исходить из того, что

и Советский Союз, и Соединенные Штаты будут и впредь существовать. Советский Союз будет развиваться, набирать темпы. Соединенные Штаты остаются мощной силой в современном мире. И у нас, и у вас есть проблемы. Но высшая мудрость наших руководителей должна заключаться в поиске путей сожительства, сотрудничества, соперничества, которое, однако, ни в коем случае не должно привести к столкновению, ибо этого может хотеть только безумец.

ХАРТ. Я полностью с этим согласен. Думаю, что предстоящие годы будут отмечены в США появлением нового политического руководства, настрой которого будет менее идеологическим, менее связанным с наследием холодной войны в последние 30-40 лет. Это будут люди, более склонные к эксперименту, люди, подобные Вам, которые будут смотреть в будущее, а не цепляться за старые ссоры, за старые деструктивные концепции. Думаю, что это будет руководство, независимо от личностей, с которым Советский Союз сможет вести дело.

ГОРБАЧЕВ. Что ж, давайте надеяться на это. Не только надеяться, но и работать ради этого.

ХАРТ. Согласен.

Источник: Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1, опись № 1.

Из дневника А.С. Черняева: о встрече М.С. Горбачева с сенатором Хартом.

А.С. Черняев: Был на встрече М.С. с сенатором Хартом, который явился с дочерью. М.С. был в ударе. Нарисовал модель идеального современного президента, который, если б такой появился, мог бы действительно продемонстрировать «величие Америки». Спорил насчет иллюзионизма, романтизма и проч., которые ему приписывают. А на этом иллюзионизме держится, между прочим, устойчивость мира сейчас.

Пригласил дочку – убедиться, какой в действительности Советский Союз – поездить, поглядеть. Ответила: буду помогать папе в президентской

кампании, воспользуюсь вашим приглашение только после 1988 года. Вот так!

Черняев А.С. «Совместный исход. Дневник двух эпох...». С. 702.